

Научная статья

УДК 821

DOI 10.17223/18137083/78/9

Инфантильный дискурс в прозе Дмитрия Горчева

Галина Николаевна Боева

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Санкт-Петербург, Россия

g_boeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>

Аннотация

На примере двух книг Д. А. Горчева («Я не люблю Пушкина: Из Живого Журнала» и «Жизнь без Карло: Музыка для экзальтированных старцев»), выросших из блога в «Живом Журнале», показано, что единство и художественное своеобразие горчевской прозы обеспечивается детским, инфантильным взглядом на мир автобиографического героя и его жизнотворческими стратегиями эскапизма; плотностью аллюзивного слоя, восходящего к детскому кругу чтения и мультипликации; постоянным присутствием в его сознании образа советского детства – источника одновременно и ностальгии, и травматического опыта. Творчество Горчева рассматривается как феномен на стыке литературы и сетературы, а его поэтика интерпретируется как близкая к примитивизму многими чертами, в том числе детским, инфантильным взглядом на мир.

Ключевые слова

Д. А. Горчев, блог, «Живой Журнал», инфантильный дискурс, примитивизм

Для цитирования

Боева Г. Н. Инфантильный дискурс в прозе Дмитрия Горчева // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 113–125. DOI 10.17223/18137083/78/9

Infantile discourse in the prose of Dmitri Gorchev

Galina N. Boeva

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
St. Petersburg, Russian Federation

g_boeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>

Abstract

The work of Dmitri Gorchev is regarded as a phenomenon genetically related to “electronic literature.” This paper deals with his two books: *Zhizn' bez Karlo: Muzyka dlya ekzal'tirovannykh startsev* (*Life without Carlo: Music for exalted elders*) (2010) and *Ya ne lyublyu Pushkina: Iz Zhivogo Zhurnala* (*I don't love Pushkin: From the LiveJournal*) (2013), both based on the author's blog in the Live Journal. Both books reveal a plot unity, defined by an infantile worldview of an autobiographical hero, whose reception is indistinguishable from

© Боева Г. Н., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 113–125
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 113–125

the author's. The central image of the first book, Pinocchio, becomes the embodiment of freedom and childhood for the author. The image of Pushkin in the second book is associated with the adult world. The Soviet childhood evokes ambivalent feelings in the protagonist: nostalgia and traumatic experience. The unity and artistic originality of Gorchev's books are ensured by the childish, infantile view of the world of the autobiographical protagonist and his life-creating strategies of escapism, as well as by the density of the allusive layer dating back to the children's reading and animation. The childish, naive view of the author defines his poetics that is close to primitivism. Nowadays, the Internet has become a breeding ground for the emerging phenomena of primitive art, combining folklore/mythological images with the images of mass culture and high culture. The images of Pinocchio and other characters of children's books and cartoons used by Gorchev have become archetypes of the new mythology of the "mass" / post-Soviet person.

Keywords

D. A. Gorchev, blog, LiveJournal, infantile discourse, primitivism

For citation

Boeva G. N. Infantile discourse in the prose of Dmitri Gorchev. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 113–125. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/9

Дмитрий Горчев (1963–2010) – из поколения прозаиков, заявивших о себе в «Живом Журнале». Горчев стал одним из первых «тысячников», т. е. его блог (онлайн-дневники от имени юзера «dimkin») привлек несколько тысяч читателей, что и явилось началом литературной карьеры, вылившейся в два десятка книг. Кроме этого, Горчев был талантливым художником: с 1999 г. работал иллюстратором в издательстве «Геликон». Завоевав любовь читателей в Рунете, стал профессиональным писателем (членство в Союзе писателей), приобрел признание критиков, стал лауреатом литературных премий ¹.

Положено начало и «горчеведению». Примечательно, что внимание исследователей, заинтересовавшихся текстами Горчева, привлекла прежде всего их сюжетная структура. Так, И. В. Силантьев [2017] останавливается на лежащем в основе горчевских ЖЖ-текстов принципе незавершенности – речь идет о «разомкнутости» текста в читательские «комменты», т. е. о принципе, характерном для блогосферы и вообще интернет-коммуникаций. С. В. Меркушов [2019] проанализировал один из сюжетных аспектов горчевской прозы, связанный с мотивом безумия как реакции на абсурд.

Нас тоже будет интересовать сюжетная организация горчевских текстов. А именно, остановимся на объединяющем их сквозном токе образов и мотивов *детства*, связанных с биографическими реалиями жизни автора и выводящих на разговор об особенностях его поэтики.

Принципы организации текстов Горчева во многом определяются их генетической связью с «сетературой» – литературой, бытующей в сети и организованной в соответствии с сетевыми правилами коммуникации и технологии. С этим связаны и «гипертекстуальность» прозы Горчева, и ее особая структура, определяемая «блоговостью». Феномен «блог-литературы» современными исследователями понимается по-разному [Абашева, Максимова, 2017]. Не останавливаясь на этих интерпретациях подробно, скажем, что блог Горчева не преследовал маркетинговых целей (как у Б. Акунина, Д. Глуховского, С. Лукьяненко); не использовался для общения с читателями (как в случае с Т. Толстой), поскольку автор еще

---

¹ В 2018 г. учреждена литературная премия имени Дмитрия Горчева.

не являлся профессиональным писателем; не предусматривал изначально перенос «онлайн-дневника» из сети «на бумагу» (как у Е. Гришковца); не был «блуком», т. е. изданием именно блога как некоего поневоле коллективного произведения [Сарин, 2016] с лентой – ее главным изобретением [Майзель, 2003].

Хотя ЖЖ-записи «вмонтированы» во многие сборники горчевских рассказов, мы остановимся на двух его книгах, специально ориентированных на ЖЖ и как бы выросших из его «постов»: «Жизнь без Карло: Музыка для экзальтированных старцев» (2010) и «Я не люблю Пушкина: Из Живого Журнала» (2013)². По отношению к ним блог Горчева стал неким субстратом для книг привычного формата, сознательно подобранных по принципу коллажа из наиболее удачных «постов». Причем первую из них «собирал» (успел) сам автор, а потому предположим, что требования, которые к ней предъявлялись, традиционны, т. е. напрямую обусловлены задачами сюжетообразования. Ведь единица сетелитературы не книга, а запись, и «перевод на бумагу» в этом смысле предъявляет к тексту новые принципы – прежде всего отбора материала и его организации. Разумеется, трансформации подвергается и восприятие автобиографического «я»: реальное лицо автора становится героем книги. Вторая книга подготовлена уже после смерти автора редакцией «Астрель» (СПб.) и тоже со всей очевидностью преследует задачи наибольшего самораскрытия автобиографического героя в наиболее удачных дневниковых записях.

На обложке книги «Жизнь без Карло...» – рисунок автора [Горчев, 2010] (ему принадлежат и иллюстрации в самой книге): комната в деревенской избе, «мультикот» спит за столом, на стене прибиты сломанные часы в виде Буратино. От лица Буратино написано вступление («Последняя песня Буратино») к этому прото-роману, как обозначает жанр сам автор. Буратино появляется и в эпилоге («Никто») ³. Обе главы книги – «Дорога в деревню» и «Деревня» – содержат однообразно названные главы, иногда с подзаголовками «Дорога» и «Другая жизнь», перемежаемые интермедиями «Двадцать грамм» (экзистенциальные зарисовки-воспоминания: как объясняет автор-повествователь, 20 граммов алкоголя «хватает» на 20 минут) ⁴. Сюжет книги, таким образом, определяем хронотопом дороги и обретением Дома в деревне – предположим, что буква «Д» в начале названий глав акцентирует ключевое слово «Дом».

В последние годы Горчев жил в собственном доме в деревне Гостилово ⁵, и именно мотивы «ухода в отшельники», расставания с городом и цивилизацией ради своего дома в псковской глуши составляют сюжетный мейнстрим его ЖЖ-записей последних трех лет. Из «Золотого ключика» взята и заглавная метафора – «Жизнь без Карло». Главный герой книги, подразумеваемый, но не названный в заглавии, – Буратино, с которым ассоциирует себя автобиографический герой-

---

² Весь блог Горчева (с 2001 по 2010 г.) сейчас можно прочесть в формате книги, предварительно заказав 2-томник «Dimkin 2» в издательстве «Геликон Плюс» – в цветном исполнении или черно-белом.

³ Нам никак не обойти того факта, что автор зачастую еще и художник собственных книг и что тематически-стилевые особенности его рисунков коррелируют с поэтикой его текстов.

⁴ В подобном структурировании книги Горчев – намеренно или невольно – пользуется любимой стратегией Э. Лимонова.

⁵ В последние годы в деревне Гостилово Невельского района Псковской области проходят инициированные его вдовой «Горчевские чтения» – волонтерские семейные мероприятия, на которых публично читаются тексты Горчева.

повествователь. Предположим, что причин для этой самопроекции несколько: важен хронотоп дороги, лежащий в основе «Сказки о Золотом ключике» и актуальный для книги (и этой, и второй интересующей нас); важны мотивы одиночества, безотцовства, богооставленности героя и обретения им дома; наконец, важно подчеркнуть внутреннюю свободу героя, его оптимизм и стоицизм. Буратино становится символом абсолютной свободы, искренности, игры, подлинной детскости. И в то же время – неуязвимости для его врагов и бесстрашия в преследовании своей цели. Сходные герои – Стойкий оловянный солдатик из одноименной сказки Г. Х. Андерсена и Железный Дровосек из «Волшебника Изумрудного города» А. Волкова (советской версии сказки Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз»). Неслучайно последний появляется в финале книги в эпизоде вочеловечивания Буратино и выступает его двойником.

Заметим, что и в книге «Я не люблю Пушкина...» в одной из записей, фантазируя о возможности высадить цветочками неприличное слово и увидеть это зрелище сверху, с самолета, герой ассоциирует себя с Буратино: «...совсем я как-то уже позабыл, что когда-то был создан на радость людям» [Горчев, 2013, с. 239].

Уместно напомнить, что Буратино в годы советского детства Горчева – один из самых популярных сказочных персонажей: он был членом «Клуба веселых человечков» в популярном журнале для детей «Веселые картинки», главным персонажем детской телепередачи «Выставка Буратино», его именем называли и товары ширпотреба (марка советского лимонада), и оружие (тяжелая огнеметная система залпового огня на танке). Образ настолько «ушел в народ», что стал героем множества анекдотов и фразеологизмов («богатенький буратино»).

На обложке книги «Я не люблю Пушкина...» – фотография самого автора: он в валенках, курит, сидя, видимо, у своего гостиловского дома. Сюжет этой книги тоже связан с обретением дома: сначала – разочарование в городе, мысли о побеге, затем покупка дома, наконец, в записях последних трех лет, – осознание правильности сделанного выбора и обустройство Своего Дома (последнее написание – типично горчевское, и о прописных и строчных у него мы еще скажем далее). Для Горчева «Человек в Валенках» – воплощение идеальной неуязвимости и свободы от обстоятельств, если вспомнить мини-рассказ с таким названием в одной из его книг: «Когда-нибудь, когда ударят лютые морозы и завоюет на окостеневших улицах метель, мы, последние из носителей валенок, достанем их из чуланов и антресолей, выйдем все одновременно на улицу и тогда мы еще посмотрим, кто в доме хозяин» [Горчев, 2007, с. 139]. Антиподом «Человека в Валенках» выступает образ успешного писателя, оставшегося в городе: «Если бы я вдруг стал красивый и богатый, как писатель Акунин, я купил бы квартиру на Фонтанке, с эркером, я там уже себе присмотрел» [Горчев, 2013, с. 28]. Образ успешного писателя, гуляющего в длинном пальто по городу, – репрезентация чуждого герою психотипа. Еще один его представитель изображен, например, в эпизоде ошеломляющей встречи с человеком в роскошном кремовом пальто, кремовых ботинках, органайзером и «мобилей» [Там же, с. 65]. Следует признать, что фотография автора в валенках тоже идеально соответствует сюжету книги.

И все-таки почему Пушкин? Этот образ, сквозной в книге, сначала возникает в контексте воспоминаний героя о своем советском детстве в Казахстане, а именно о чтении «Натальи кажется Долининой про Евгения Онегина». Название книги «Я не люблю Пушкина...» звучит дерзко и провокативно, хотя в самой записи этой эпатажности нет и в помине и автор грустно, как бы извиняясь, пытается

объяснить свое равнодушие к классику, декларация любви к которому превратилось в национальный стереотип. Постигание в детстве «высочайших смыслов» романа «под конвоем» матушки, учительницы русского языка и литературы, стало для героя, как он признается, «детской или юношеской травмой» (такое же неприятие вызывают у него все книги из школьной программы – их названия у Горчева демонстративно пишутся с маленькой буквы). Пушкин стал восприниматься антиподом всему свободному и истинно детскому: «...и в раннем детстве я совсем не любил сказок Пушкина, и когда в программе мультфильмов вместо нупоги показывали какую-нибудь сказку про золотого петушка, то считай всё – пропала программа мультфильмов» [Горчев, 2013, с. 56].

Затем образ Пушкина возникает уже в «гостиловских записях» – как образ «бывшего соседа» по псковскому имению (пишущий собирается поехать в центральную усадьбу колхоза под выразительным названием Опухлики и «зарегистрироваться там в качестве помещика» [Там же, с. 238–239]). Наконец, рассуждая о «достойном образе жизни» в связи со своим поселением в неблагоустроенном деревенском доме, герой вспоминает разные примеры житнетворческих стратегий и противопоставляет Пушкина отшельнику Серафиму Саровскому и вообще любому «условному рембрандту, не попавшему к галеристам». Логика горчевского противопоставления такова: уход в себя, отказ от внешнего блеска, ассоциируемого с городом, – единственно достойный путь: «Да взять опять же того же Александра Сергеевича: он очень сильно старался вести достойную высококачественную жизнь, а чем всё кончилось» [Там же, с. 273]. В этой же связи он вспоминает и положительный пример «неудобного классика» А. К. Толстого, явно проецируя его позицию на свой жизненный выбор: «Он был ни за кого. Сам по себе. <...> Хороший был человек с моей точки зрения» [Там же, с. 339]. Иначе говоря, из деревни в город – неправильно (Пушкин), наоборот – правильно. Частный случай этой неправильности – переезд из Петербурга в Москву. Противопоставление двух столиц не в пользу последней – еще один сквозной мотив книги, и Горчев, согласно своей логике, предпочитает тот город, в котором живет.

Итак, ЖЖ-записи стали субстратом для обеих книг: обе они сюжетно построены как прихотливо тасуемый набор, по сути, одних и тех же автобиографических ситуаций (они же «посты» из ЖЖ) – детство, армия, работа (сначала в Казахстане, потом в Петербурге). Только в первой книге сюжет строится ретроспективно: герой из своей псковской глуши оглядывается на прошлое, а во второй уход из рода и обретение гостиловского дома становится сюжетным стержнем.

Обе книги настойчиво помещают нас в инфантильный дискурс, предполагающий ценность и положительность всего по-настоящему детского и, наоборот, отторжение от взрослого, авторитарного, назидательного, советского. Впрочем, всё советское вовсе не отвергается в записях Горчева – оно, скорее, амбивалентно: поскольку другого детства и другого прошлого у героя нет, он поневоле ностальгирует о советских реалиях. Например, такая сугубо советская примета быта, как целлофановые пакеты, которые мылись и сушились, предстают в записях героя не только символом убожества, но и недоступной человеку общества потребления экологической грамотности. Герой не может однозначно ответить на вопрос, хорошо или плохо то, что он служил в армии и тоже вынес довольно травматичный опыт (стройбат с дедовщиной в Архангельской области). Фильм «доживем до понедельника», наверное, хороший, пишет Горчев, но такие «чудные школы», в которые возвращаются «полысевшие ученики и радостно сидят за любимыми партами», ему не попадались [Там же, с. 60–61]. Другие фобии и травмы в жизни

героя тоже «советского происхождения», и большая их часть «родом из детства» – от яслей (с восьмимесячного возраста) до пионерского лагеря («Когда я был маленький белобрысый мальчик, на всю жизнь испуганный газетой пионерская правда, мне периодически снился сон про ядерный гриб за окном» [Горчев, 2013, с. 13]).

Амбивалентность советского в восприятии героя хорошо ощутима в записи о спектакле Е. Гришковца, почти ровесника автора: «Я – оттуда же примерно, из того же времени, и у меня есть в голове картинка про то, как спящие дети, заматанные в шубы-шарфы до полной неузнаваемости, бредут в полной тьме по протоптаным в снегу примерно по пояс глубиной тропинкам, которые все ведут к этой поганой школе, которая сидит в самом центре как паук, и светятся сволочные ее желтые окна» [Там же, с. 48–49]. Эту картинку из детства, как и «бал у губернатора» и «кузнеца вакулу», Горчев сравнивает с бутылочкой Мэри Поппинс: «Кто-то пил из нее молоко, а кто-то пунш с ромом» [Там же, с. 49]. Таких сравнений с использованием образов детских книг, советской мультипликации и кинематографа у Горчева немало. Это сравнения изображаемых персонажей и ситуаций с Тортиллой, Мойдодыром, Федорой («Меня разлюбили вещи»), сравнение себя с Ежиком в тумане, использование прецедентных фраз из детской литературы и мультфильмов (например, «Я раньше почему злой был...» – слова Печкина из книги Э. Успенского).

Амбивалентность всего советского в горчевской картине мира хорошо проявляется в его отношении к культовой для времен позднесоветского застоя (времени юности героя) книге – «зе кетчер ин зе рай», которая в знаменитом русском переводе М. Райт-Ковалевой произвела на него впечатление той самой фальши, на которую ополчается ее герой: «Это была чудовищная *** – вместо Холдена Колфилда – мелкого ***, чрезвычайно недовольного устройством окружающего мира и носящегося со своей тонкостью и ранимостью, как с писаной торбой, то есть практически меня, там под него косила немолодая женщина с высшим филологическим образованием» [Там же, с. 102]. Как видим, сэлинджеровского инфантила, не желающего взростеть, автор напрямую ассоциирует с собой.

Зарисовка о «макдональдсе» превращается в иронический пассаж о суррогате счастья тоже в контексте детского: «теперь я запросто захожу внутрь, говорю: а дайте мне Двойной-Роял-Делюкс-С-Игрушкой. Когда я насобираю все необходимые игрушки, я принесу их назад в макдональдс и мне дадут Вафельный Рожок, а может, сфотографируют на скамеечке рядом с Кловуном, а то и с самим Павлом-буре, ведь бывает же счастье, я это точно знаю» [Там же, с. 32–33].

Об отсылке первой из интересующих нас книг к «Сказке о Золотом ключике» мы уже говорили. Книга «Я не люблю Пушкина» начинается со сравнения «ливжурнала» с носовским «Телефоном», когда все сначала активно общаются посредством его, а затем новинка приедается, и к ней охладевают. Отсылки к другой носовской книге – «Незнайке на луне» – несколько раз встречаются в тексте в разных контекстах, например при описании иностранцев («дети, ну чисто дети»): «...люди все вежливые, приветливые. Но почему же... так домой-то хочется? Что-то было про это в самом гениальном романе двадцатого века под названием незнайка на луне» [Там же, с. 130].

Тут самое время вспомнить, как сам автор очертил свой любимый круг чтения в одном из интервью: «Кто-то повлиял, куда денешься. Гоголь там, Козьма Прутков, Булгаков... Сэлинджер, как ни странно, а в основном, конечно, детская лите-

ратура – Линдгрэн, Николай Носов, ну и вся классическая Англия – от Диккенса и Стивенсона до Памелы Треверс.

В прошлом году прочитал, наконец, Зощенко – тоже очень хороший писатель. Заодно перечитал практически всего Гоголя...»⁶.

«Злыми детьми» выступают и все милиционеры, в горчевской номинации – Милиция (сродни приговскому «милиционеру»), встречи с которой – сквозной мотив книги «Я не люблю Пушкина...». Эпизоды, в которых изображаются эти встречи, самые разные по своему сценарию: от насилия и грабежа с их стороны до взаимной приязни и дарения им собственной книги с автографом, – позволяют говорить, во-первых, о причастности этого собирательного образа инфантильному дискурсу (примитивные по своему поведению, некультурные «злые дети»), а во-вторых, о его амбивалентности вследствие связанности с советским, репрессивным и авторитарным началом.

Американец, под началом которого автору довелось работать в начале 1990-х в Казахстане, вдохновляет его героя на рассказ о «давилонской бирже» – эпизоде из «Незнайки», дающем выразительную картинку капитализма – еще одной формы несвободы и репрессии по отношению к человеку. Мотив протеста против всякой унификации, стандартизации, против общества потребления – один из сюжетообразующих в книге. Себя автор в разных контекстах и по разным поводам позиционирует как человека, которому из всех благ цивилизации, продающихся в суперкаметах, нужна только пара банок пива.

В свете сказанного неудивительно, что СССР для Горчева – идеальная «детская страна». Разговор об этом заходит в контексте его характеристики книги Лимонова «Это я, Эдичка!» и ее автора как политического лидера, чьи идеалы связаны с Советским Союзом. Здесь смыкаются инфантильное и советское: «И Советский Союз, между прочим, в идеальном его виде был именно страной для детей, и те старухи, которые галдят возле гостиного двора – они именно те внезапно состарившиеся дети из кинофильма – а как он кстати назывался? Они хотят пирожное и мороженое и чтобы праздник и шарики, а взрослые люди – Путин там или матвиенко, им говорят, что дадут какую-то карточку. Вам когда-нибудь в детстве дарили на день рождения рубашку? Не велосипед, не автомат с лампочкой, не сборную модель самолета Як-40, а действительно полезную вещь?» [Горчев, 2013, с. 140]. Речь, конечно, о фильме (почти ровеснике автора, родившегося в 1963 г.) «Сказка о потерянном времени» (1964) по одноименному произведению Е. Шварца. По логике Горчева, как «подросток Савенко» навсегда остался «мальчиком среди взрослых людей», так и человек с неистребимо советской ментальностью остается вечным ребенком. Здесь же Горчев припоминает «омерзительную сказку для детей, написанную взрослым человеком – Праздник Непослушания. Там детям разрешили всё сделать так, как они хотят, чтобы они поняли, что так жить нельзя и позвали обратно к себе Взрослых, потому что у них самих не получается» [Там же, с. 140]. Мы, конечно, узнали здесь С. Михалкова, в котором автор истории детской литературы Б. Хеллман видит «архетип по-

---

⁶ См.: *Майзель Е.* Интервью с Горчевым в «Русском журнале»: Дмитрий Горчев, всенародно любимый мизантроп. URL: <https://chtoby-pomnili.livejournal.com/405900.html> (дата обращения 28.04.2020).

Разумеется, учитывая декларируемую в заглавии книги нелюбовь к Пушкину и целые страницы прозы Горчева, стилизующей гоголевскую словесную вязь, и пользуясь известной мыслью Белинского, соблазнительно вписать нашего автора в «гоголевскую традицию» русской литературы.

слушного, безупречного советского писателя»⁷, как и встроенную аллюзию из фильма С. Говорухина «Так жить нельзя» (1990).

Интересно, что этот образ «праздника непослушания» возникает и в описании Горчевым «американского счастья» в голливудском кинематографе, столь оптимистичном, в отличие от мрачного отечественного: «В общем простая и понятная мечта: устроить себе вечный Праздник Непослушания, т. е. кушать только те пирожные и морожные, которые хард-воркинг мидл-класс может себе позволить раз в год» [Горчев, 2013, с. 201]. Метафора оказывается универсальной – обращенной и против советского инфантилизма, и против общества агрессивного потребления. Таких «антиконсумеристских выпадов» у Горчева рассеяно много – и на «питерских страницах», и в описаниях зарубежных поездок (Финляндия, Швеция). На эту же тему: «А я вот думаю, что советский союз разрушили вовсе не Астрид Линдгрэн или Алан Милн. Советский союз уничтожили финские сапоги и чешские голубые унитазаы» [Там же, с. 311]. Как видим, «детские образы» пригодились и здесь.

Отталкиваясь от советского и буржуазного, автор выбирает третий путь: уход в деревню, к природе, в одиночество. Разумеется, читатель, уже освоившийся в предложенном ему инфантильном дискурсе, жизнетворческий проект автора под названием «дом в деревне» ассоциирует с поселением героев Э. Успенского дяди Фёдора, кота Матроскина и пса Шарика в Простоквашино. Тем более что в «гостиловском поместье» и собако-степан есть, и кот Виссарион (опять советское!) появляется. Появляется и настоящий ребенок – сын, Дмитрий Дмитриевич, который живет с отцом в деревенском доме в отсутствие уехавшей мамы (как у Успенского) – и теперь уже сын ассоциирует себя с Буратино: «Маленький мальчик, просмотрев в два присеста кинофильм про буратино, собрал по всему дому разнообразные ключи, принес их мне и теперь надеется, что я отопру дверцу» [Там же, с. 307].

Важно отметить, что постсоветские «детские герои» представляются Горчеву как однозначно уродливые, враждебные. Ужасны телепузики, похожие на «трупы в морге для убиенных младенцев», ужасен бэтман, такой блестящий и непобедимый среди разрухи и людишек, самодовольный Шрек (ставший таковым во второй части киноистории). Все эти персонажи связаны с обществом потребления и потому особенно опасны:

«Хеловин нужно встречать в макдональдсе. Пить кокаколу, есть макфлури, макчикен и макнагец.

Ровно в полночь Клоун оживет и всех поубивает. И прилетит гарипотер и добьет еще живых.

Последними пройдут телепузики, откладывая в свежие трупы личинки из бледных своих яйцекладов» [Там же, с. 53].

Покемоны – сквозные персонажи горчевской прозы, и они тоже зачастую изображены как враждебные, *другие* (он, кстати, иллюстрировал в «Геликоне» серию изданий о покемонах).

Остается ответить на вопрос о функции детских образов, скрепляющих, как было показано, горчевские книги. Есть все основания полагать, что «детский», наивный взгляд автора не только средство сюжетной «сборки» книг, но и неотъемлемая часть его поэтики, близкой к примитивизму. Примечательно, что, объяс-

---

⁷ См.: Доцук Д. Что думает о нашей детской литературе профессор из Хельсинки // Блог Дарьи Доцук. URL: <https://dariadotsuk.ru/ben-hellman/> (дата обращения 28.04.2020).

няя одному из милиционеров, в каком стиле он рисует, Горчев сам говорит, что к митькам не имеет отношения, «но в принципе похоже» [Горчев, 2013, с. 341].

Согласимся с утверждением А. В. Леухиной о том, что «примитивизм не имеет самостоятельной поэтики» и возникает за счет «организации автором контекста ситуации восприятия произведения» [2010, с. 4]. Справедливо и следующее: «В острающей стратегии примитивистского творчества детское, инфантильное сознание работает для примитивиста в качестве модели порождения собственных текстов, в которых формируется новая творческая идентичность» [Там же].

Примитивистом Горчева назвать нельзя, но некоторые черты его поэтики, говорящие о близости к этой эстетике, с опорой на исследование Леухиной, перечислим: детский / инфантильный взгляд; рефлексивность по отношению к акту собственного письма; интерес к непоэтическим, «сниженным» темам; ирония, самоирония и пародийность; минимальный зазор между литературной маской и автором⁸ («жизнестроительство»); сознательная позиция маргинала по отношению к «высокой культуре». Простота горчевских текстов, ставящая в тупик критиков, – это «вторичная простота» после «цветущей сложности», осознающий свою самобытность примитивизм, а не органичный и бессознательный примитив [Давыдов, 2000].

Как установку на детскость можно интерпретировать и обилие обценной лексики в прозе Горчева: в навязчивом повторении бранных слов прочитывается позиция ребенка, Буратино, сбежавшего из школы и от родителей, – для него Пушкин и культурные образцы не указ. Нецензурные вкрапления выглядят намеренными «эстетическими проколами», неправильностями, которые не подвергают сомнению художественную состоятельность горчевских текстов, а, скорее, усиливают эстетический эффект [Давыдов, 2004, с. 12].

В этой связи нельзя не прокомментировать характерную для Горчева игру прописными и строчными буквами. С одной стороны, орфографическое своеволие в написании заглавных букв в текстах Горчева – это «родовые пятна» их интернет-происхождения: в интернет-письме («письме» в бартовском смысле) отражена не только банальная безграмотность авторов, но и их нарциссический индивидуализм и та же самая «детская» свобода от идеологических клише, которыми воспринимаются «взрослые» орфографические нормы. С другой стороны, в горчевских написаниях букв очевидны приметы оригинальной компрессии смыслов и авторской аксиологии, например, сознательно разрушается оппозиция «Зло / Добро» и предлагается иная: «зло / Добро». Всё традиционно уважаемое, но не имеющее личностной значимости переводится в нарицательное («художник-левитан из журнала огонек») – и наоборот: «одно Очень Прекрасное Существо». Зачастую в одном предложении разные стратегии написания прописных и строчных образуют второй смысловой уровень.

Однако автору не удастся утаить свой высокий образовательный ценз, и хорошее знакомство с отрицаемой «высокой культурой» дает о себе знать и в плотном слое аллюзий, и в прямых размышлениях об отторгаемых величинах: здесь и пассажи в духе Гоголя и натуральной школы, и самоидентификация в пределах значимых для современности имен (Лимонов – Вен. Ерофеев – Пелевин – Акунин –

---

⁸ В то же время было бы неверно судить о личности самого автора по герою его текстов: Горчев был прекрасно образованным гуманитарием, переводчиком с английского, много и профессионально работал. О кропотливости и профессионализме свидетельствуют и сделанные им в «Геликоне» многочисленные рисунки (оформление обложек, иллюстрации и т. п.).

Быков и др.), и отсылки к Достоевскому, Сэлинджеру, Шукшину, Булгакову, Пришвину, Розанову, Библии. В то же время горчевский «масочный автор» (Д. Давыдов) постоянно отрешается от корпоративной принадлежности к племени писателей (вспомним пассаж об Акунине, воплощающем идею успеха и профессионализма), декларируя из своего «интернет-подполья» чуждость писательскому истеблишменту и Настоящей Литературе, где «говорят “проза”, “мое творчество”» и «критики и антикритики... рассуждают о тенденциях и роли литературы в нравственном воспитании общества» [Горчев, 2013, с. 249–251]. С этим же в двух рассмотренных книгах связан сквозной мотив симпатии к питерским бомжам, которые явно идеализируются и выступают своего рода «двойниками» героя: интеллигентные, скромные, прекрасно владеющие словом.

Часто в пределах одной горчевской записи-миниатюры сталкиваются различные дискурсы – интеллигентский, культурный, и наивный, детский. В свою очередь, и героя часто поражает несоответствие между маргинальной внешностью человека и его интеллигентной речью. Так происходит при встрече с питерскими бомжами; в разговоре с Настоящим Крестьянином, ответ которого на вопрос об электричке поражает рафинированностью; в споре в бане с человеком в наколках, который вдруг заявляет об ассоциативности искусства... Горчевский герой тоже любит ошеломить читателя столкновением дискурсов – например, комментируя реакцию опасных на вид людей, у которых он просит закурить, как «нарушение паттерна поведения».

К примитиву тяготеют сюрреалистические видения и фантазии, преследующие горчевского автобиографического героя: к нему приходят в гости покемоны; соседи, милиционеры, политики видятся биороботами, ведущими какую-то свою, отдельную жизнь; параллельные цивилизации создают корабли, крысы, комары, птицы на балконе (во главе с Невермором – голубем, живущем на балконе). Инфантильное сознание героя рисует фантастические миры, расцветивающие скучную реальность, – так делает ребенок, когда он «один дома». Смысл этого в прозе Горчева – превращение «обычного в необычное» и «необычного в обычное», о чем пишет Ж. Рансьер по поводу нового эстетического зрения на пересечении искусства и жизни⁹. В мире Горчева оживают даже вещи (разумеется, немедленно проводится параллель с Федорой Чуковской), и неполадки с кранами, лампочками и бытовой техникой провоцируют героя на покаяние: «Это всё потому что я их не уважаю. Я не обмываю Вещи теплой мыльной водой, не тру их вехоткой и не увлажняю их специальными жидкостями. Я наоборот роняю на них пыль и пепел, опрокидываю на них пиво, кофе, кефир и пепельницы. Я никогда не приношу им новых интересных Вещей из дальних стран» [Горчев, 2013, с. 43–44]¹⁰.

---

⁹ См.: *Рансьер Ж.* Эстетическая революция и ее последствия / Пер. с фр. И. Дейкун, Е. Тараненко, А. Дружаева. URL: https://aroundart.org/2018/03/07/ranciere_revolution/ (дата обращения 28.04.2020).

¹⁰ Тяготение к примитивизму находит выражение и в поэтических опытах Горчева, «инкорпорированных» в его книги. Для лирического субъекта горчевских стихов тоже характерен детский, наивный взгляд:

В моем перекошенном мире
живут одинокие звери.
У них печальные лица
и глаза нелюбимых детей
[Горчев, 2007, с. 7].

Вернемся к вопросу о генезисе обеих книг, выросших из «Живого Журнала». Представляется, что именно Интернет в современной ситуации стал питательной средой для возникновения явлений так называемой «третьей культуры», как было определено искусство примитива В. Н. Прокофьевым [1983, с. 7–8]. Именно Интернет, равняющий в правах профессионального писателя, литераторствующего дилетанта, блогера и просто «пользователя», в большой степени и сформировал идентичность Горчева, осознававшего себя «внецеховым» писателем¹¹.

Интернет-технологии, как мы показали на примере двух рассмотренных книг, повлияли и на горчевскую поэтику. Именно «сетература» и «блоголитература» в наши дни – тот «резервуар для обмена культурными ценностями» между фольклором, массовой литературой и литературой «высокой» [Лотман, 1992], где любой текст может пересечь границу и пополнить число объектов эстетического опыта. Встречаясь в интернет-пространстве, тексты самой разнообразной природы: образцы «высокой» литературы, проза и стихи плохо владеющих словом «кустарей», эго-документы, бытовые чаты, самые разнообразные блоги, – порождают новую мифологию, приспособленную к уровню «массового человека». Образы Буратино и других героев детских книг и мультфильмов в этом пространстве становятся архетипами, объединяющими автора и читателя. Этой встрече автора и читателя на дорациональном, мифологическом уровне, уровне детского узнавания и сочувствия, и способствует инфантильный дискурс прозы Дмитрия Горчева.

Заметим, что проза и рисунки Горчева – интересный материал для заключений в области интермедиальных соответствий. В горчевских рисунках мы видим тот же наивный взгляд ребенка-мудреца, внимательно созерцающего мир. Опираясь на их классификацию О. А. Ханзен-Лёве [2016, с. 40–41], у Горчева можно обнаружить разные уровни взаимной трансформации между вербальным и иконическим: перенос мотивов – семантических (на уровне сюжета), нарративных (стремление писателя к транспозиции – «автоиллюстративности»), дескриптивных и дискурсивно-абстрактных (экфрастичность), а также перевод конструктивных принципов из живописи в литературное произведение (принципиальное неразличение главного и второстепенного, что, в частности, выражается в отсутствии линейной перспективы).

Список литературы

Абашева М. П., Максимова Т. О. Блог-литература как феномен: опыты Евгения Гришковца // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 103–112.

В одном из стихотворений мы найдем и Буратино, висящего на стене, – образ, оплодотворивший книгу «Жизнь без Карло...»:

А мы продолжаем висеть на крюках,
вбитых небрежно и асимметрично.
Друг с другом общаемся кодом двоичным
и пальцы считаем на бледных ногах
[Горчев, 2007, с. 25].

¹¹ Один из сквозных мотивов его книг – своего рода «посрамление врага»: встреча с Милицией, представление ей, вопреки своему маргинальному виду, писателем и предьявление удостоверения члена СП.

- Горчев Д. Тринадцать рублей: Рассказы, сказки, пьесы. СПб.: Геликон Плюс, 2007. 232 с.
- Горчев Д. Жизнь без Карло: Музыка для экзальтированных старцев. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010. 283 с.
- Горчев Д. А. Я не люблю Пушкина: Из Живого Журнала. М.: АСТ, 2013. 414 с.
- Давыдов Д. М. От примитива к примитивизму и наоборот (русская наивная поэзия XX в.) // *Арион. Журнал поэзии*. 2000. № 4. С. 81–95.
- Давыдов Д. М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция. Поэтика. Автореф. дис... канд. филол. наук. Самара, 2004. 25 с.
- Леухина А. В. Литературный примитивизм: эстетика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 16 с.
- Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 203–216.
- Майзель Е. Живой Журнал словами писателей // *Русский журнал*. 2003. Вып. 23. URL: https://old.russ.ru/krug/20031219_em.html (дата обращения 28.04.2020).
- Меркушов С. В. Мотив потери рассудка как базовый инструмент абсурдистики Д. А. Горчева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 30–34.
- Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // *Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени*. М.: Наука, 1983. С. 6–28.
- Сарин Л. Блоголитература как новая литературная форма и издательская стратегия // *Преподаватель. XXI век*. 2016. № 3. С. 433–440.
- Силантьев И. В. Принцип незавершенности в творчестве Дмитрия Горчева // *Сибирский филологический журнал*. 2017. № 4. С. 125–134.
- Ханзен-Лёве О. А. Интермедальность в русской культуре: от символизма к авангарду / Ред. Д. Крафт, Р. Михайлов, И. Чубаров. М.: РГГУ, 2016. 504 с.

References

- Abasheva M. P., Maksimova T. O. Blog-literatura kak fenomen: opyty Evgeniya Grishkovtza [Blog-literature as a phenomenon: the experiments of Eugenia Grishkovtza]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2017, vol. 9, iss. 4, pp. 103–112.
- Davydov D. M. Ot primitiva k primitivizmu i naoborot (russkaya naivnaya poeziya XX v.) [From primitive to primitive and vice versa (Russian naive poetry of the 20th century)]. *Arion. Zhurnal poezii*. 2000, no. 4, pp. 81–95.
- Davydov D. M. *Russkaya naivnaya i primitivistskaya poeziya: genezis, evolyuciya. Poetika* [Russian naive and primitive poetry: genesis, evolution, poetics]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Samara, 2004, 25 p.
- Gorchev D. A. *Ya ne lyublyu Pushkina: Iz Zhivogo Zhurnala* [I do not like Pushkin: (from the Living Journal)]. Moscow, AST, 2013, 414 p.
- Gorchev D. *Trinadtsat' rubley: Rasskazy, skazki, p'esy* [Thirteen rubles: Stories, fairy tales, plays]. St. Petersburg, Gelikon Plyus, 2007, 232 p.
- Gorchev D. *Zhizn' bez Karlo: Muzyka dlya ekzal'tirovannykh startsev* [Life without Carlo: Music for exalted elders]. Moscow, AST; St. Petersburg, Astrel'-St. Petersburg, 2010, 283 p.

Hanzen-Leve O. A. *Intermedial'nost' v russkoy kul'ture: ot simbolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: from symbolism to vanguard]. D. Kraft, R. Mikhaylov, I. Chubarov (Eds.). Moscow, RSUH, 2016, 504 p.

Leukhina A. V. *Literaturnyy primitivizm: estetika i poetika* [Literary primitive: aesthetics and poetry]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Samara, 2010, 16 p.

Lotman Yu. M. O soderzhanii i strukture ponyatiya "khudozhestvennaya literature" [On the content and structure of the concept of "artistic literature"]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: in 3 vols.]. Tallinn, Aleksandra, 1992, vol. 1, pp. 203–216.

Mayzel' E. Zhivoy Zhurnal slovami pisateley [Living Journal with the words of writers]. *Russian Journal*. 2003, iss. 23. URL: https://old.russ.ru/krug/20031219_em.html (accessed: 28.04.2020).

Merkushov S. V. Motiv poteri rassudka kak bazovyy instrument absurdistiki D. A. Gorcheva [Motive of loss of reason as a basic tool of D. A. Gorchev's absurd]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, iss. 10, pp. 30–34.

Prokof'ev V. N. O trekh urovnyakh khudozhestvennoy kul'tury Novogo i Noveyshego vremeni (k probleme primitiva v izobrazitel'nykh iskusstvakh) [On the three levels of artistic culture of the New and Modern Time (to the problem of primitive in the fine arts)]. In: *Primitiv i ego mesto v khudozhestvennoy kul'ture Novogo i Noveyshego vremeni* [Primitive and its place in the artistic culture of the New and Modern Time]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 6–28.

Sarin L. Blogoliteratura kak novaya literaturnaya forma i izdatel'skaya strategiya [Blogoliterature as a new literary form and publishing strategy]. *Prepodavatel XXI vek*. 2016, no. 3, pp. 433–440.

Silantev I. V. Printsip nezavershennosti v tvorchestve Dmitriya Gorcheva [The principle of incomplete work by Dmitry Gorchev]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 125–134.

Информация об авторе

Галина Николаевна Боева, доктор филологических наук, доцент

Information about the author

Galina N. Boeva, Doctor of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 22.05.2020;
одобрена после рецензирования 01.06.2020; принята к публикации 01.06.2020
The article was submitted 22.05.2020;
approved after reviewing 01.06.2020; accepted for publication 01.06.2020*